

У стихов Бахыта Кенжеева – счастливая судьба в России. Я полюбопытствовал, можно ли приобрести в магазине его последнюю книгу. Оказалось – нельзя, всё давным-давно распродано. Хотя книги выходят немаленькими тиражами. Тот Бахыт, которого мы знаем и любим, сформировался, на мой взгляд, где-то в конце семидесятых годов прошлого века. Особенностью стиля молодого поэта стало широкое использование «цветных» эпитетов – прилагательных и причастий. «Медленный полёт», «коричневая земля», «сухая пустота», «ржавокипящие ямбы», «чёрствая плоть», «медленный снег», «золотая луна», «голубое молоко». Мало кто в современной русской поэзии использует эпитеты так хорошо, как Бахыт. Стихи становятся колдовскими; звук идёт через всё стихотворение. Иногда это просто одно длинное предложение. «В краях, где яблоко с лотка / бежит по улочке наклонной, / где тополь смотрит свысока / и ангел дремлет за колонной / облезлой церкви, в тех краях / где с воробьём у изголовья я засыпал, и вечер пах / дождём и первою любовью, / в тех, повторю, краях, где я / жил через двор от патриарха / всяя Руси, где ночь моя / вбегала в сумрачную арку / и обнимала сонный двор, / сиренью вспаивая воздух, / чтоб после – выстрелить в упор / огромным небом в крупных звёздах...».

Поэт – существо одинокое. Но, безусловно, стихотворцу проще расти в компании единомышленников. Общество молодых поэтов – мощнейший трамплин для творчества. Все полны отваги и мечтают обрести бессмертие. Судьба и время отберут из них лучшего. Бахыт Кенжеев в стихотворении, посвящённом Александру Сопровскому, сподвижнику по группе «Московское время», пишет: «Хорошо, когда истина рядом! / И весёлый нетрезвый поэт / Созерцает внимательным взглядом / Удивительный выпуклый свет. / И судьбу свою вводит, как пешку, / В мир – сверкающий, чёрный, ничей – / Где модели стоят вперемешку / С грубой, чёрстою плотью вещей. / А слова тяжелы и весомы, / Будто силится твёрдая речь / Воссоздать голоса и объёмы / И на части их снова рассечь. / Чтоб конец совместился с началом, / Чтобы

дальше идти належке, / Чтобы смертное имя звучало / Комментарием к вечной строке».

В эмиграцию уехал уже целиком сформировавшийся поэт. Эрудит и посвящённый. Уехать в другую страну – всегда непросто. Эмиграция – это маленькая Голгофа. Из Советского Союза Бахыта Кенжеева, в сущности, выставили. Женитьба по любви на гражданке Канады облегчила ему жизнь за рубежом. В этом – специфика судьбы поэта. Эмиграция даровала Кенжееву двойное зрение. Он производит сравнительный анализ особенностей жизни «там» и «тут». Например, поэт убеждён в том, что крылатую фразу Пушкина «хвалу и клевету приемли равнодушно» неплохо было бы взять на вооружение и российскому правительству. И не реагировать на каждый чих за кордоном. А то, получается, наши политики пытаются контролировать свободу слова за рубежом и эти иностранные «чихи».

В лучших стихах Бахыта звучит такая колдовская музыка, что сложно не подпасть под её очарование. Человек, поставивший во главу угла музыку, не может допустить в стихотворении ни одной слабой или выбивающейся из ритма строчки, ибо всё очарование его поэтической мелодии будет утрачено. И Бахыт не даёт слабину. «Расскажи, возмечтавший о славе / и о праве на часть бытия, / как водою двоящейся яви / умывается воля твоя, / как с голгофою под головою, / с чёрным волком на длинном ремне / человечество спит молодое/ и мурлычет, и плачет во сне – / а над ним, словно жезл фараона, / словно дивное веретено / полыхают огни Ориона / и свободно, и зло, и темно, / и расшит поэтическим вздором / вещей купол – и в клещи зажат, / там, где сокол, стервятник и ворон / над кастальскою степью кружат...». Кенжеев – элегичен; по преобладающей стилистике я бы поставил рядом с ним не Алексея Цветкова, как это обычно делают, а Сергея Шестакова. Бахыт – сребролукий стрелец, Аполлонов жрец, его стихи – вдохновенная музыка слова.

На одном из творческих вечеров Кенжеева я обратил внимание, что поэт делит своё творчество на «лирику» и «не лирику». «Вам лирику, что ли, ещё почитать?» – изредка спрашивал он у зала. Так и читал, перемежая «лирику» и «рилику». На «лирике» тишина была такая, что, казалось, муха пролетит – и будет слышно. Зрители голосовали за лирику «недыханием». Демократичный поэт предоставил слушателям альтернативу. Его виртуозность в рифмовке привела к тому, что нерифмованные «Послания» проиграли лирике «в одну калитку». Возможно, российский слушатель не очень любит эпический постмодерн.

Тем не менее, Бахыт Кенжеев «вызволил» из себя, как минимум, одного «Петухова», Ремонта Приборова. Помните, Макс Волошин предложил Марине Цветаевой игру поэтического самоотречения.

Выпорхнувшие из неё нестандартные «Петуховы» должны были, по мысли Волошина, переиграть привычную Цветаеву. Но она на такой эксперимент не согласилась. Конечно, поэту с именем трудно пойти на «самоликвидацию», рискуя потерять имя и аудиторию. Хабакири и аутодафе – определённо не наш путь. У Кенжеева Ремонт Приборов, пожалуй, выступил в роли контрапункта к самому себе, а потом публика уже привыкла и к такому стилю. Ты засылаешь «не я» в качестве разведчика будущего, а затем сливаешь его со своим прежним «я». Мы видим, что Бахыт Кенжеев всё время делает в своём творчестве определённые шаги. В сторону, вперёд – куда угодно, лишь бы идти. И это творческое кредо поэта мне глубоко симпатично. Бахыту, вероятно, захотелось поэкспериментировать со словом в духе поэтов-концептуалистов. Но заиграться в роли Ремонта Приборова он себе не позволил.

У Бахыта Кенжеева есть удивительный талант. Он умеет точно и афористично создать портрет человека. Причём как в стихах, так и в устной речи. То, что блистательно делает в эпиграммах Валентин Гафт. Но у Кенжеева это не карикатурные портреты. Он умеет ярко и метафорично сказать о других поэтах. Почитайте его литературные портреты: Арсения Тарковского, Андрея Белого, Марины Цветаевой. «Ещё одна: курила и врила, / и шапочки вязала на продажу, / морская дочь, изменница, вдова, / всю пряжу извела, чернее сажи / была лицом. Любившая, как сто / сестёр и жён, верёвкою бесплатной / обвязывает горло – и никто / не гладит ей седеющие патлы». Острый портрет! У Бахыта острота, тем не менее, идёт от любви к тем, о ком он пишет. В таком же духе написан и портрет Арсения Тарковского, чьими стихами он зачитывался в юности. Наверное, такие портреты – «нелицеприятны». Но именно это и придаёт им особое звучание. Порой меткие портреты получаются у Бахыта и в разговоре. Беседуя с Евгением Евтушенко незадолго до его смерти, он так обрисовал Че Гевару: «Подонок в романтической одежде».

Кенжеев – могучая фигура в современной поэзии. Что мне в нём импонирует? Он – джентльмен. У него есть редко присущая поэтам большого масштаба скромность. Бахыт – на мой взгляд, не эгоцентрист. Он не повторяет ошибку Евтушенко, который наведывался в Россию один раз в году, в день рождения, ради выступления в Политехническом музее. Я ощущаю постоянное присутствие Кенжеева на российской земле. Специально не отслеживаю, но постоянно вижу его на литературных вечерах в Москве. Поэту ни в коем случае нельзя «выйти из контекста». В Америке, к тому же, скучновато. А в России, особенно в Москве – постоянные литературные тусовки. Жизнь зашкаливает! Лучшим русским поэтом всех времён Кенжеев считает Мандельштама. И здесь он, конечно, пристрастен, но достаточно объективен –

великолепно знает всю русскую поэзию, начиная с 18-го века. В фигуре Бахыта Кенжеева присутствует, на мой взгляд, античное эпикурейское начало. Дух дружбы, партнёрства, товарищества. Бахыт – человек благодарный. Он отдаёт то, что почерпнул сам. Сейчас он – «надсмотрщик над временем», человек, который связывает собой разные поколения и времена. Сегодня мы можем с уверенностью сказать – Бахыт Кенжеев состоялся в нашей литературе как поэт первого ряда.